

І. РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ XVIII ВЕКА И АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ

О.М.Буранок

Самара, Самарский государственный социально-педагогический университет

Литературная культура русского провинциального дворянства XVIII века (Никанор и Пётр Ознобишины)

Ознобишины относятся к служилому дворянству и в нескольких поколениях были связаны с военной и статской службой. Подпоручиком лейб-гвардии Преображенского полка вышел в отставку Никанор Ознобишин, а затем служил председателем Пензенского губернского магистрата. В «Справке о детях, имуществе, местожительстве вдовы лейб-гвардии подпоручицы Анны Ивановны Ознобишиной» 1794 года 24-х летний Пётр Никанорович Ознобишин записан секунд-майором [Морозова 1998: 150].

Никанор Иванович Ознобишин (1726/1727–1788) – провинциальный дворянин, служивый человек, офицер и статский чиновник, рачительный помещик, отец большого семейства – и при этом много читающий (о чём свидетельствует солидная для того времени личная библиотека), пишущий и на досуге переводящий с французского романы и повести, участвующий в общественной жизни губернии, верою и правдою служащий государыне и Отечеству. Именно такая среда выдвинет на авансцену культурной и политической жизни начала XIX века элиту русского дворянства: поэтов пушкинской плеяды, героев 1812 года, декабристов. И то, что в такой семье вырастет поэт Дмитрий Петрович Ознобишин, закономерно.

«Иван Михайлович и Никанор Иванович собрали библиотеку, которую можно определить как собрание «просвещённых любителей». В дальнейшем библиотека становится продолжением писательского и семейного архива» [Морозова 1998: 150]. В огромной, по тем временам, библиотеке имелась почти вся периодика, популярные издания отечественной и зарубежной литературы. При Дмитрие Петровиче библиотека Ознобишиных стала одним из крупнейших частных книжных собраний в России (См.: [Библиотека Ознобишиных 2006]).

В середине XVIII века в Россию хлынул поток иностранной художественной литературы (французской, немецкой, английской), переводимой на русский язык и писателями, и профессиональными переводчиками, и переводчиками-любителями.

Роман «Нещастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта», переведённый Н.И.Ознобишиным (М., 1764), полностью вписывался в жанровый канон западноевропейского романа 60–80-х гг. XVIII в. Он, безусловно, сродни плутовскому, приключенческому роману, столь популярному в 1760-е гг. «Нещастной француз...» прокладывает путь успешному вхождению в русскую читательскую культуру авантюрно-любовных и приключенческих повестей и романов. Традиционный авантюрный роман вбирал в себя интерес к внесловной ценности человека, частично эстетику и поэтику сентиментализма. Ищущий и ошибающийся, энергичный и растерянный, наглый и стеснительный и т.п. человек – новый тип героя, отличающийся от «живого» героя анонимных повестей Петровской эпохи и от деятельных, напористых, практичных персонажей романов и повестей 60–70-х гг.

Кроме опубликованного перевода романа о Беликурте, у Н.И.Ознобишина есть несколько переводов, оставшихся в рукописях. В предисловии, которое сделал сам Н.И.Ознобишин к рукописному своему переводу «Гистории Николая Перваго, короля Пароуганскаго, императора Мамелужскаго, в крепости святаго Павла, в 1756 году», сказано: «Переведа я книг более двадцети, правда, не так, как настоящие перевотчики, но толко, чтоб праздным не быть. Попалас мне эта предлагаемая на русской язык маленькая книжка в такое время, которое очень мало меня задержит, ибо осталось дни два-три таких дней, в которые мне ее перевести с французскаго, начиная я с 19 марта 1757 году и вот она так переведена лейб-гвардии Преображенскаго полку сержантом Н.Оз» [Никанором Ознобишиным] (См.: [Рукописный отдел; Музейное собрание 1997: 210–211; Буранок 2005: 141–162]). Оригинал текста, с которого Н.И.Ознобишин делает свой перевод, не выявлен. Возможно, это анонимная (в противном случае, Ознобишин указал бы имя автора, как он это сделает при переводе романа Филдинга и повести Сервантеса) французская повесть, либо французский перевод с испанского (поскольку главный герой – испанец и события происходят преимущественно в Испании и испанских колониях Латинской Америки), либо (нельзя отрицать и такой возможности) – стилизация самого Н.И.Ознобишина под жанр «гистории».

Если «Жизнь Беликурта» – и сюжетно, и стилистически – цельное, «однородное» произведение, то этого нельзя сказать о «гистории», которая явно распадается на две части, связанные только личностью главного героя: в первой части – его приключения в Испании, во второй – в Южной Америке. Источником и того, и другого произведения (особенно «Гистории...») могли стать многочисленные публикации в периодике того

времени о путешествиях из Старого в Новый свет, по Европе, Африке и Америке, информация о происходящих в мире событиях. Кстати, «подобные» ознобишинским сюжетные ситуации присутствуют, например, в «Кандиде» Вольтера (1758), созданном, разумеется, совершенно независимо от Н.И.Ознобишина. Однако типологически эти переключки весьма интересны и показательны: они демонстрируют уровень осмысления человеком XVIII в. современных ему событий, происходящих далеко за пределами его Отечества. Ознобишин, будучи человеком начитанным и талантливым, творчески обрабатывал, очевидно, литературно-художественный и газетно-журнальный материал, превращая его в сюжеты романов и повестей. Однако, повторяем, это всего лишь наше предположение, но подобное явление вполне могло иметь место.

В.М.Живов 1760-е гг. определяет как эпоху, когда появляется осознание в русском обществе литературы как рода занятий, когда появляются начала литературных институций [Живов 2002: 557–558]. Занятия литературой, в том числе переводами, осознавалось как «благородное упражнение», как «инструмент дворянского совершенствования». Безусловно, просвещенческие идеи Сумарокова, его воздействие на появляющуюся интеллигенцию трудно переоценить: именно Александр Петрович даёт культурно-идеологический стимул литературе, осознавая её огромную роль в создании нового человека. «Обучением занимается литература, и это определяет её значимость и социальный статус» [Живов 2002: 613].

Обнаруженная нами рукопись Н.И.Ознобишина «Корнелия» [См.: Рукописный отдел] и впервые опубликованная нами [Буранок 2005: 163–211] – наиболее ранний (1761), первый из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык. «Сеньора Корнелия» Сервантеса в XVIII в. на русском языке не печаталась, только с 1805 г. – в переводе Ф. Кабрита – она вошла в российское читательское сознание. Почему из всего многообразия новелл Сервантеса Ознобишина-переводчика привлекла именно «Корнелия»? Скорее всего, молодого гвардейского офицера подкупили внутренняя красота героев, простодушный, наивный тон повествования, энтузиазм любви, преданность, великодушие. Фабулой произведения управляет господин случай, а тип сказки, по верному наблюдению Н.Я.Берковского, определил сюжет новеллы, поэтому в ней оптимистичная развязка [Берковский 1955: 12, 20–21]. Мода на авантюрно-любовный роман во второй половине XVIII века породила десятки переводов, известных и анонимных. Каждый из переводчиков осуществлял свой труд в меру своего знания иностранного языка, образования, способностей, своих установок (если таковые вообще имелись).

Повесть-посредник на французском языке определяла и характер перевода, и его структуру, и стилистику. Перевод Н.И.Ознобишиным «Сеньоры Корнелии» Мигеля Сервантеса свидетельствует о развитом эстетическом вкусе переводчика и, несомненно, органично вписывается в литературный контекст эпохи, отвечает переводческим задачам и потребностям читающей публики середины XVIII в. Секретные истории сильных мира сего, «разоблачения», некие «правдивые истории», повествование от первого лица или лица некоего исторического деятеля – всё это быстро усвоилось русскими авторами, переводчиками, читателями.

Переводчик, прежде всего, стремился к точному переводу лексики, не особенно заботясь о красотах стиля. Стилистический рисунок оригинального текста не всегда диктовал стиль перевода: конструкции оригинальной разговорной речи подменялись или книжной фразеологией, или, наоборот, переводчик впадал в другую крайность: разговорная интонация определяла основные речевые краски перевода.

Л.А.Софронова считает, что слабые и несовершенные произведения замечательны по-своему: со ссылкой на А.П.Чудакова утверждает, что у авторов второго – третьего ряда «историко-литературный материал обычно лежит на поверхности», «несмотря на то, что такие произведения не входят в культурный фонд, в них тем не менее ... живёт «дух эпохи», поэтому они также подлежат историко-культурной интерпретации» [Софронова 2006: 13]. На наш взгляд, спорно суждение о культурном фонде: историко-функциональное изучение явлений культуры, в том числе и литературы, убеждает, что нам не дано предугадать, какое произведение в какую эпоху может «выстрелить»; за исключением шедевров, произведения так называемого второго – третьего ряда по-разному «играют» в культурной жизни этноса. Казалось бы, ушедшие в небытие не только произведения, но целые эпохи под влиянием разных факторов – общественно-политических, исторических, культурных и т. д. – могут из тени выйти на авансцену. Тому примеров не счесть. Ставший классическим пример с лже- и псевдоклассицизмом и уж совсем образцовый – с Державиным. Культура русского модерна, в частности символизм, позвал почти из небытия старика Державина, и, наверное, в этом сыграл решающую роль В.Ф.Ходасевич – сначала своими статьями об авторе «Фелицы», а затем своей замечательной книгой «Державин».

В XVIII веке рождались новые эстетические принципы, в литературе и искусстве востребованы стали естественность и правдоподобие. Великий английский романист Генри Филдинг, может быть, как никто другой способствовал этому.

Не только Сервантеса Н.И. Ознобишин первым перевёл на русский язык, но и первый перевод на русский язык «Тома Джонса» Г. Филдинга тоже сделан им же. Его перевод на 20 лет (!) опередил тот, который до сих пор считался самым ранним, – перевод Е.С.Харламова (1770). Уточним, что у Харламова был первый опубликованный перевод романа на русский язык; Ознобишин свой перевод не публиковал. И Ознобишин, и Харламов переводили английский роман с французского перевода де Лапласа (См.: [Histoire 1823]).

Де Лаплас, сильно сокращая, перевёл всё-таки весь роман Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша» на французский язык (а вслед за ним Харламов – на русский язык (См.: [Харламов 1770]). Ознобишин – только 7 книг, которые на титульном листе обозначены как «часть первая», а на последней странице рукописи – как «первый том» (См.: [Филдинг 1750]). В рукописи Ознобишина нет никакой информации о том, собирался ли он переводить дальше, и последуют ли за «частью первой» другие части.

Рукопись Ознобишина ещё раз подтвердила талантливость молодого «самодеятельного» переводчика, который переводил, «только чтоб праздным не быть» [Буранок 2005: 181] и выбирал для этого, среди прочих, произведения величайшей художественной ценности, ещё не известные русским читателям.

Пётр Никанорович Ознобишин (1770–1813) – сын Никанора Ивановича Ознобишина и отец поэта Дмитрия Петровича Ознобишина – был лично знаком с Г.Р.Державиным, Пётр Никанорович родителями был приучен к чтению и на протяжении всей своей жизни собирал книги в семейную библиотеку. Показательно, что своей будущей жене П.Н.Ознобишин подарил книгу «Учитель, или Всеобщая система воспитания» Роберта Додсли (М., 1789). Впоследствии Александра Ивановна и сама пополняла личными книгами библиотеку мужа.

П.Н.Ознобишин тоже имел интерес к литературным занятиям, он автор «Дневных записок», которые систематически вёл с сентября 1796 г. и до середины ноября 1811 г. (с некоторыми перерывами), рукопись насчитывает около 900 страниц [Дневныя записки]. Записки имеют интересное вступление, по которому ясно, что 26-летний молодой человек впервые обращается к некоему литературному труду – дневнику с ежедневными записями: «Предприемля описывать вступление мое к важнейшей должности по комисариату, и так как встречаются не предвидимо разныя по оной части дела то и намереваюсь делать записки свои вседневно не разделяя а смешивая все как то описание встретившихся со мной происшествия, воздух места где буду находится, и натуральная история онаго не так подробно, а

сколько позволит мне время, с приобщением некоторых обрядов жителей но так несколько от меня было запущено то сколько я вспомнить могу то внесу в сии записки» [Дневные записки: 1–2]. Далее идут записи по дням (число и день недели; месяц указывается один раз, посредине строки).

«Дневные записки» представляют собой интереснейший документ культуры и быта русского дворянина в переломную, очень непростую для России эпоху – конец XVIII – начало XIX вв. «Это время, – пишет Ю.М. Лотман, – когда оформлялись черты новой русской культуры, культуры нового времени, которому – нравится это нам или нет – принадлежим и мы» [Лотман 1994: 14].

Г.А. Гуковский считает, что «литературное мышление XIX века вырастает из перелома, совершившегося в 80–90-х годах XVIII столетия, перелома, воплотителем которого был Державин. То, что не казалось ранее литературой, стало ею. Индивидуальный мир поэта-автора заявил о своих правах» [Гуковский 2001: 324]. Эти суждения в определённой степени, безусловно, распространяются и на другие жанровые обозначения: маркеры записок, дневников, мемуаров и т.п. свойственны не только поэзии, но и прозе. «Я» автора становилось неким жанровым обозначением. «Дневные записки Петра Никаноровича Ознобишина» вполне можно рассматривать в контексте литературных стратегий рубежа веков.

Получив в 26 лет ответственную должность «по комисариату» [Дневные записки: 4], молодой человек использовал форму ежедневных записей даже не в качестве заполнения досуга литературным занятием (хотя и это имеет место и характерно для быта дворян XVIII–XIX вв. (См.: [Лотман 1994])), а прежде всего, для самовоспитания, самоорганизации, самодисциплины. Уже на седьмой год службы он станет директором Астраханского коммерческого банка, а привычка систематически вести «Дневные записки» сохранится на протяжении всей жизни. Как некое событие он всякий раз он отмечает присылку из Москвы газет (русских и французских), отмечая в записках прочитанные в них новости. Других сведений о том, что он читает, «Дневные записки» не содержат. Но матери, живущей в имении Троицкое, пишет письмо с просьбой прислать его книги.

В потоке культурологического материала рубежа XVIII–XIX веков (воспоминания, письма, мемуары и т.п.) большое значение имеют дневники и записки. У Ознобишина произошла контаминация жанров – «дневные записки».

В жизнь не только светского, но и служивого человека, сугубо провинциального, к концу XVIII века входит необходимость на досуге заниматься литературным творчеством. При этом он вовсе не считал себя пи-

сателем и не хотел бы, чтобы его таковым считали, поэтому понятие «тип писателя-дилетанта» (термин В.П. Степанова [Степанов 1973: 120]) вовсе не отражает специфику литературной ситуации рубежа веков. Никакого противоречия между чиновником и автором в одном лице у большинства пишущих не было. Всё это весьма мирно уживалось в творческой личности, и ярлык «дилетант» при этом не корректен. Зачастую как раз произведения так называемых «дилетантов» были и общественно значимее, и художественно выше, нежели у профессионалов. Важно другое – литературные занятия в дворянском кругу XVIII века становятся не просто модным, но необходимым досугом; собственно художественная литература начинает «сотрудничать» с документальными и «бытовыми» жанрами (См.: [Билинкис 1995]), литература рубежа веков движется к рождению новой и по качеству, и по содержанию великой русской словесности.

Литература

Берковский Н.Я. Новеллы Сервантеса / Н.Я.Берковский // Сервантес Сааведра М. де. Назидательные новеллы. – М., 1955. – 564 с.

Библиотека Ознобишиных: каталог / сост. В.В. Морозова. – Ульяновск, 2006. – 548 с.

Билинкис М.Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. / М.Я.Билинкис. – СПб. : СПб. гос. ун-т, 1995. – 104 с.

Буранок О.М. Никанор Ознобишин-переводчик: исследование, публикация текстов, комментарии / О.М.Буранок. – Самара, 2005. – 224 с.

История Николая Первого, короля Пароуганскаго и императора Мамелужскаго: анонимная повесть / перевод Н.И. Ознобишина: рукопись 1757 г. Публикация О.М. Буранка // *Буранок О.М.* Никанор Иванович Ознобишин и русская переводная художественная проза середины XVIII века: Исследование, тексты, комментарии. – Самара, 2010. – 294 с.

Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Г.А.Гуковский. – М., 2001. – 352 с.

Дневные записки Петра Никаноровича Ознобишина // РГАЛИ. Фонд № 1337. Опись № 2. Ед. хр. № 92. – 881 с.

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В.М.Живов. – М., 2002. – 760 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М.Лотман. – СПб., 1994. – 399 с.

Морозова В.В. Ознобишины и их книги / В.В.Морозова // Памятники Отечества. Ч. I: Века над Венцом. – Ульяновск, 1998. – С. 146 – 154.

Музейное собрание: Описание // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Т. 2. № 3006 – 4500. – М., 1997. – С. 210 – 211.

Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики / Л.А.Софронова. – М., 2006. – 832 с.

Степанов В.П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII века / В.П.Степанов // XVIII век: Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1973. С. 105 – 121.

Филдинг Г. История Том Ионеса или Найденного младенца. Часть первая с французского на русской переведена Никанором Ознобишиным. 1750 / рукопись / Г.Филдинг // Отдел рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Шифр А63/ XLIX № 622. – 143 л. (286 с.).

Харламов Е.С. «Повѣсть о Томасѣ Ионесѣ или Найденышѣ. Сочиненная на Аглинскомъ языкѣ г. Фильдингомъ, а с онаго переведенная на Французской г. Де-лапласом. с Французскаго же на Российской Евсигнѣем Харламовымъ»: в 4 т. / Е.С.Харламов. – Т. 1. – СПб. 1770. – 369 с.

Histoire de Tom Jones, Ou L'Enfant Trouv; Traduction de L'Anglois de Mr. Fielding, Par Mr. de La Place. – Volume 1 of 4. Paris, 1823. – XXIV с.+ 309 с.

А.И.Разживин (Ключёвский)

Елабуга, Елабужский институт Казанского федерального университета

Лирический субъект А.П.Сумарокова: жанр песни и элегии

«Презренна любовь, имущая едино сластолюбие во основании; презренны любовники, устремляющиеся обманывати слабых женщин; подвержены некоторому поношению и женщины, в обман давшиися; презренно неблагородное сластолюбие, но любовные нежность и верность от начала мира были почтенны и до скончания мира почтенны будут. Любовь источник и основание всякого дыхания, а вдобавок сему – источник и основание поэзии...»

Посвящение «Прекрасному российского народа женскому полу» в сборнике «Еклоги Александра Сумарокова» 1774 г.

«Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись!»

А.П.Сумароков «Эпистола о стихотворстве»

«Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и радости живи!»

А.П.Сумароков Элегия

«Уже ушли от нас игранья и смехи...»